

А. В. СВЯТОСЛАВСКИЙ

“СОВЕТСКИЙ”: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ СИМУЛЯКР? **(о корреляции понятий “советский” / “русский” в аспекте культурной идентичности)**

Работа посвящена истории формирования понятия «советский» как этнонима и проблеме корреляции его с этнонимами «русский» и «российский» в разные периоды истории СССР в аспекте культурной идентичности. Дан анализ национальной политики в работах В.И. Ленина и И.В. Сталина с точки зрения указанной проблемы.

Ключевые слова: *национальная идентичность, культурная идентичность, советская культура, русские, россияне, национальная политика, история СССР, В.И. Ленин, И.В. Сталин.*

Одной из непростых проблем словоупотребления в русском и европейских языках является проблема корреляции лексем «русский»/«российский»/«советский», которые обречены исторической судьбой постоянно выступать то как синонимы, то как неполные синонимы, а члены оппозиции русский/советский – в определенном контексте могут стать почти антагонистами. Для западного научного и бытового узуса в целом характерно употребление этнонима Russian в английском и, соответственно, Russische – в немецком, Russe во французском – как универсального этнонима, охватывающего представление о народах Руси, Московского Царства, Российской Империи, СССР и современной РФ. «Даже в достаточно специализированных западных публикациях было принято употреблять слово “русский” в качестве синонима “советскому”»¹. Соотношению лексем и стоящих за ними понятий «русский/российский» посвящена работа А.И. Грищенко², мы же обратимся в значительной степени к корреляции лексем «советский/русский».

Что означает слово «советский» в современном русском языке и что означало оно в том самом советском прошлом? В прошлом, из которого оно к нам пришло, принцип организации власти (советы как исторически сформировавшаяся в России форма самоуправления) стал названием государства и даже постулировался как новая небывалая доселе социально-историческая общность наднационального характера, объединенная не только государственностью, но некоей небывалой доселе идеологией, призванной сделать из русского, украинца, татарина, грузина и других носителей своей коренной этнической культуры в СССР прежде всего – советского человека. Основной особенностью формирования многонационального государства в Советской России и

¹ Франклин, Уиддис 2014. С. 17.

² Грищенко 2012.

позднее в СССР изначально был приоритет общей специфической идеологии: «однородность выстраивалась на идеологической основе»³.

В современном учебнике этносоциологии высказано довольно категоричное мнение. «Можно отметить, – пишут авторы, – что в границах СССР на протяжении всей истории существования этого государства активно и целенаправленно формировалось в качестве гражданской идентичности представление о “советскости” (“советский человек”), но при этом игнорировалось, а периодически и запрещалось поддержание этнической идентичности. В отличие от стран Запада и США, где утвердился подход, сочетающий наличие у населения разных этнолингвистических идентичностей при доминировании единой национальной (политической, гражданской), в странах бывшего СССР традиционно утверждалось представление о том, что нацию формируют этнокультурные сообщества. Советский как гражданская идентичность, формировавшаяся в СССР, включала в себя не только государственный аспект, но и идеологический, поскольку политическая система СССР выстраивалась на основе коммунистической идеологии. Поэтому реорганизация СССР, отказ на государственном уровне от коммунистической идеологии и возникновение на его территории новых государственных образований, в России как правопреемнице советского государства вызвали кризис идентичности»⁴.

Это утверждение верно, на наш взгляд, отчасти. Было бы неправильно совсем отказывать советской власти в праве этносов на традиционную этнокультурную идентичность. Однако нужно разобраться, как в реальности соотносились идеи большевиков дореволюционного и раннего послереволюционного периодов с практикой т.н. национального строительства в 1920–30-х гг. Кризис же идентичности, упомянутый в учебнике, бесспорно, имел место. Причем, начиная с конца 1980-х, открыто проявила себя неприязнь по отношению к русским как нуклеарному элементу советской государственности со стороны тех, кого советские идеологи прежде называли «братскими народами». «В учебной литературе на постсоветском пространстве, – пишут Г.А. Бордюгов и В.М. Бухараев, – стала заметной еще одна показательная тенденция – социально персонафицированный образ врага (в лице сталинизма, тоталитаризма, коммунистического и оккупационного режима и т. д.) стал дополняться этнически персонафицированной группой, якобы несущей свою долю ответственности за негативные процессы. Такой группой стали русские»⁵.

В.И. Ленин посвятил национальным проблемам специальную работу «О национальной гордости великороссов», опубликованную в газете «Социал-демократ» 12 декабря 1914 года. В условиях войны, когда в воюющих странах ощутимо поднялась волна патриотизма как в офи-

³ Дробижева 2003. С. 105.

⁴ Денисова, Радовель 2000. С. 358.

⁵ Бордюгов, Бухараев 2011. С. 149.

циальной пропаганде, так и среди населения, Ленин осуждает патриотизм как черту идеологии воюющих стран, видя в этом фактор усиления борьбы империалистического капитала за рынки. «Как много, – пишет он, – говорят, толкуют, кричат теперь о национальности, об отечестве! Либеральные и радикальные министры Англии, бездна “передовых” публицистов Франции (оказавшихся вполне согласными с публицистами реакции), тьма казенных, кадетских и прогрессивных (вплоть до некоторых народнических и “марксистских”) писак России — все на тысячи ладов воспевают свободу и независимость “родины”, величие принципа национальной самостоятельности»⁶. Однако затем им ставится вопрос об отношении российских большевиков как носителей великорусской культуры – к собственному национальному чувству, то есть к этнокультурной идентичности. Под великорусской национальностью Ленин понимает принятое в те времена обозначение русского этноса, восходящее к средневековому понятию «Великая Русь». Причем, заметим, особенностью словоупотребления средневековой эпохи было не подчеркивание «величия» центральной и северной Руси против Малой и Белой, как это трактуют иногда теперь в Украине, а указание на «обширность» территории, шагнувшей далеко за пределы исторического южного и западного ядра, колыбели русского этноса.

Впоследствии советская этнография датировала XVII веком окончательную трансформацию трех народностей в три связанных одной общей государственной и отчасти культурной судьбой *нации*, представителей которых в остальном мире обычно продолжали обобщенно называть *русскими*. Этноним «великоросс» воспринимался уже как устаревший позднее в СССР, также и вместо устаревшего «малоросс» стали говорить «украинец». В другой статье 1914 г. («К вопросу о национальной политике») Ленин употребляет наряду с привычным «российские украинцы» могущее показаться оксюмороном словосочетание «русские украинцы». Но в контексте статьи и в контексте самой эпохи ясно, что это украинские жители Российской Империи в отличие от «австрийских» и «польских» украинцев⁷. Ленин не говорит в статье «О национальной гордости великороссов» об отрицании чувства национального достоинства как такового или отказе большевиков от сопричастности исторически сложившейся культуре, но объяснением естественной и «правильной» гордости великороссов служит у него один единственный фактор – их активное участие в революционной борьбе. В целом позицию Ленина и большевиков можно упростить до тезиса: Россия и ее великорусское ядро несет ответственность за крепостничество, за угнетение нетитульных этносов («тюрьма народов»), но с другой стороны, именно великороссы искупают эту вину тем, что они встали в авангарде всемирного рабочего движения.

⁶ Ленин. ПСС. Т. 26. С. 106.

⁷ Ленин. ПСС. Т. 25. С. 67.

«Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? – задается вопросом Ленин. – Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т.е. $\frac{9}{10}$ *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великорусов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс...»⁸. Читая эту статью, вспоминаешь рассуждения Бердяева (да и не его одного) об антиномичности русского характера. Так, Ленин в положительном ключе упоминает героя из романа Н.Г. Чернышевского, заклеившего русский народ фразой «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу – все рабы»⁹. Однако тут же отмечает, что эта нация дала миру *самого* Чернышевского, ставшего гордостью революционного движения. Дескать, в конечном счете, психология рабства постепенно побеждается и будет побеждена благодаря русскому большевизму XX века.

После победы революции 1917 г. в России, естественно, мысль о русских как авангарде революционеров всего мира укрепилась и стала частью идеологии. Но страх великорусского шовинизма в правительстве большевиков и у власти на местах после 1917 г. оставался, поэтому в дальнейшем вплоть до окончательного укрепления сталинского правления в новой идеологии существовал безоговорочный приоритет «советского» над «русским» в этнокультурном аспекте. Новая интернациональная пролетарская идеология должна была после гибели эксплуататорских классов объединить всех трудящихся общей новой культурой, в которой не исторические корни и кровь (биологический примордиализм), но коммунистическая идея и вытекающее из нее мировоззрение должны составить фундамент наднациональной общности (конструктивизм).

В целом перспективы национальной политики большевиков Ленин сформулировал так: «Для революции пролетариата необходимо длительное воспитание рабочих в духе полнейшего национального равенства и братства. Следовательно, с точки зрения интересов именно великорусского пролетариата, необходимо длительное воспитание масс в смысле самого решительного, последовательного, смелого, революционного отстаивания полного равноправия и права самоопределения всех угнетенных великороссами наций. Интерес (не по-холопски понятой) национальной гордости великороссов совпадает с социалистическим интересом велико-

⁸ Ленин. ПСС. Т. 26. С. 107 – курсив оригинала – А. С.

⁹ В оригинале романа «Пролог» у Чернышевского: «Жалкая нация, жалкая нация! – Нация рабов, – снизу доверху, все сплошь рабы...». – *Чернышевский* 1949. С. 197.

русских (и всех иных) пролетариев. Нашим образцом останется Маркс, который, прожив десятилетия в Англии, стал наполовину англичанином и требовал свободы и национальной независимости Ирландии в интересах социалистического движения английских рабочих»¹⁰.

В редакторском примечании к статье «Украина и война» в журнале «Социал-демократ» № 13 за февраль 1915 г. Ленин писал: «мы [большевики – А.С.] считаем буржуазным национализмом идею “культурно-национальной автономии”, мы не согласны с тем, что лучшим путем организации пролетариата является раздробление его по национальным куриям, мы не разделяем их взглядов на разницу между “анациональным”, национальным и интернациональным»¹¹.

В 1914 г. Ленин высказывается и по поводу государственного языка. Сегодня может показаться парадоксальной мысль, что государство может существовать без одного или нескольких языков, конституционно или иначе признанных государственными. Но строгий государственный Ленин в статье для газеты «Пролетарская правда» (№ 14 за январь 1914 г.) под заголовком «Нужен ли обязательный государственный язык?»¹² писал, что государственный язык – это наследие старого мира, от которого в грядущей свободной России нужно будет избавляться. Как бы забывая о том, что обязательность изучения государственного языка в школах полиэтнического государства вызвана целым рядом факторов, среди которых общее делопроизводство, межэтническая коммуникация, доступ к информационным источникам и т.д., он ставит вопрос так: «Что означает обязательный государственный язык? Это значит практически, что язык великороссов, составляющих меньшинство населения России, навязывается всему остальному населению России»¹³. И далее протестует против *обязательного*, т.е., по Ленину, *принудительного* изучения русского языка в школах государства. Однако в заключение статьи Ленин соглашается с естественной необходимостью знания русского языка нерусскими народами. Где же тогда выход? Ленин формулирует его следующим образом: «Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его из-под палки. Мы убеждены, что развитие капитализма в России, вообще весь ход общественной жизни ведет к сближению всех наций между собою. Сотни тысяч людей перебрасываются из одного конца России в другой, национальный состав населения перемешивается, обособленность и национальная заскорузлость должны отпасть. Те, кто по условиям своей жизни и работы нуждаются в знании русского языка, научатся ему и без палки»¹⁴.

¹⁰ Ленин. ПСС. Т. 26. С. 110.

¹¹ Ленин. ПСС. Т. 26. С. 130.

¹² Ленин. ПСС Т. 24. С. 293–295

¹³ Там же С. 293.

¹⁴ Там же С. 295.

Однако ленинская формулировка «государственный язык» не совпадает с понятием государственного языка в мировой политике и этнологии. В статье ощутимо желание показать большевистское будущее России как абсолютную свободу. Другое дело, что в СССР действительно была создана сеть школ с преподаванием на языках местных народов, и родители, отдавая ребенка в школу, могли выбирать между русским и родным языком. Представление о безграничной свободе, которую несет с собой пролетарская революция, владело умами и даже отразилось в первых документах Советской власти, хотя сегодня ясно, что это были в значительной мере декларативные заявления. Правда, в политике принуждения была своя историческая логика. Само существование советского государства и тот авторитет, который оно завоевало в мире, те экономические, технологические, научные успехи, которыми гордится, оглядываясь назад, современный россиянин, – все это было возможно только при существовании системы *принуждения* как универсального инструмента управления в СССР. Граждане принуждались к овладению грамотой, к получению образования, к службе в армии, к труду на благо общества (тунеядство каралось) и многому другому. И иначе было нельзя, раз История выбрала именно такой путь для России на отрезке 1917–1991 гг. И необходимость перехода от обещаний 1914 и 1917 гг. к политике всеобщего жесткого принуждения по мере строительства советского государства, видимо, понимал после 1917-го и сам Ленин (возможно, понимал и ранее, но лукавил). Еще лучше это осознал Сталин, к анализу национальной и языковой политики которого мы обратимся далее.

Проблема понятия «советский» как маркера национальной идентичности влечет за собою необходимость выбора одного из подходов в терминологической традиции для трактовки самого понятия «нация». Известно, что до сих пор в широком узусе современного русского языка «национальность» понимается как этническая принадлежность, что восходит к традиции советской этносоциологии, а точнее, национальной политики, поскольку собственно науки этносоциологии в СССР не было. Лишь относительно небольшой сегмент современников, главным образом, специалистов-гуманитариев, различает сегодня понятие «этнического» как общности, восходящей преимущественно к общим кровнородственным корням, – с одной стороны, и понятие «национального» – как имеющего характер принадлежности тому или иному *государству* (гражданский статус), с учетом того, что очень многие государства являются полиэтническими. Исходя из этого, несложно было бы определить «советский» как национальность, а «татарин», «русский», «мордвин», «якут» и другие идентичности как этническую принадлежность. Однако в советской науке, следуя идеологии ВКП(б)-КПСС сложилось представление об СССР как «многонациональном» (а не полиэтническом) государстве, а применительно к некоей общей культуре всех этих народов – использовался термин «новая историческая общность “советский народ”». Таким

образом, под, условно говоря, «советскостью» предлагалось понимать не просто гражданскую (по паспорту) принадлежность конкретному государству, но принадлежность некоей новой метакультурной общности, характерной только для СССР в силу специфики социального строя, породившего новый тип сознания. При этом надолго (по крайней мере, до сих пор) осталась путаница в употреблении термина «национальность», который понимают в одном случае как принадлежность индивида определенной нации (пункт в анкете или в прежнем, советском, паспорте).

С другой стороны, возможно различие «нации» и «национальности» как терминов, обозначающих разнородные понятия этничности: нация как исторически сложившаяся государственная общность (ключевое слово здесь «государственность»), а национальность – то, что мировая наука называет этносом. Встречается еще понимание национальности как «народности», т.е. промежуточной стадии этногенеза. Возможно, советское традиционное понимание «нации» восходит к сталинской статье 1912-13 гг. Тогда Сталин, главный специалист по национальному вопросу в партии большевиков, написал статью «Марксизм и национальный вопрос», ставшую по рекомендации Ленина программной для партии, а впоследствии для национальной политики СССР. Сталин дает там определение нации, которое звучит так: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»¹⁵. Сталин предлагал различать государственную общность населения с одной стороны, и нацию, с другой, считая, что государства типа империи Александра Македонского не явили примера исторической устойчивости и остались конгломератом народов, не образовав единой нации. По Сталину, ни Российская, ни Австро-Венгерская империи не образовали единой нации. Для образования нации необходимо, по его мнению, наличие всех перечисленных признаков. Полемизируя с австрийскими социал-демократами Р. Шпрингером и О. Бауэром, Сталин доказывает, что мировоззренческая общность (Шпрингер) или общность исторической судьбы народа (Бауэр) не являются достаточными основаниями для выявления национальной общности.

В советской науке фактически было принято сталинское определение, хотя после «развенчания культа» имя автора обычно не называлось. В то же время, очевидно, что взгляды австрийских ученых нашли поддержку у многих, от специалистов до простых граждан. Так, например, многие евреи в диаспоре ощущали и продолжают ощущать себя единым народом, и в силу общности мировоззрения, и исторической судьбы, и, главное, общих корней, а Сталин в статье утверждает, что русские, американские, грузинские и горские евреи единой нацией не являются¹⁶, по-

¹⁵ Сталин. Соч. Т. 2. С. 296.

¹⁶ Там же. С. 297.

сколько нет территориальной и хозяйственной общности, да и единого языка нет. Таким образом, Сталин, говоря языком современной этнологии, стоит на позициях социального примордиализма, при этом отвергая примордиализм биологический (племенное родство в прошлом), если он в дальнейшем не подкреплен общностью языка, экономики, психологии и территории. «Итак, нация – не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей» – заключает Сталин¹⁷.

В статье Сталина в одних местах национальность фактически означает этнос, входящий в состав нации, в других – между понятиями нации и национальности ставится знак равенства (национальность не как адъективное существительное, образованное от прилагательного, означающего принадлежность, а как номинатив). Например, в нижеследующем отрывке речь идет о различении национальности как этноса и нации как «междунационального государства»: «Несколько иначе происходит дело в Восточной Европе. В то время как на Западе нации развились в государства, на Востоке сложились междунациональные государства, государства, состоящие из нескольких *национальностей*. Таковы Австро-Венгрия, Россия. В Австрии наиболее развитыми в политическом отношении оказались немцы – они и взяли на себя дело объединения *австрийских национальностей* в государство. В Венгрии наиболее приспособленными к государственной организованности оказались мадьяры – ядро *венгерских национальностей*, они же объединители Венгрии. В России роль объединителя *национальностей* взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию»¹⁸. Но далее у Сталина читаем: «Развиваются торговля и пути сообщения. Возникают крупные города. Нации экономически консолидируются. Ворвавшийся в спокойную жизнь *оттесненных национальностей* капитализм взбудораживает последние и приводит их в движение, Развитие прессы и театра, деятельность рейхсрата (в Австрии) и Думы (в России) способствуют усилению “национальных чувств”. Народившаяся интеллигенция проникается “национальной идеей” и действует в том же направлении... Но проснувшиеся к самостоятельной жизни *оттесненные нации* уже не складываются в независимые национальные государства: они встречают на своем пути сильнейшее противодействие со стороны руководящих слоев командующих наций, давно уже ставших во главе государства. Опоздали!.. Так складываются в нации чехи, поляки и т.д. в Австрии; хорваты и пр. в Венгрии; латыши, литовцы, украинцы, грузины, армяне и пр. в России»¹⁹.

Как видим из последнего отрывка, словосочетания «оттесненные нации» и «оттесненные национальности» выглядят полными синонима-

¹⁷ Там же. С. 293.

¹⁸ Там же. С. 303–304, курсив наш – А. С.

¹⁹ Там же. С. 304–305, курсив наш – А. С.

ми. Впрочем, может быть, автор *подразумевает*, что на каком-то этапе чехи, поляки, хорваты и др. будучи национальностями, начинают *ощущать себя нациями* и тогда становятся таковыми. Это логично, но противоречит самому сталинскому определению нации, где культурная самоидентификация не является достаточным признаком в формировании нации, а других изменений (экономика, язык) в положении чехов и хорватов в это время мы не находим. Возможно, под национальностью Сталин в данном случае понимал то, что в отечественной этнологии иногда называют народностью – промежуточной эволюционной общностью между племенем и нацией.

Так или иначе, нам предстоит ответить на вопрос, являлось ли понятие «советский» устойчивым идентификатором в терминах национального самосознания, поскольку налицо были территориальная общность (правда, отчасти искусственная, помимо исторических корней); хозяйственно-экономическая общность и – совершенно в конструктивистском духе – стремление власти создать некую единую небывалую доселе общность – то ли гражданскую нацию, то ли нечто наднациональное. Культуры нет вне коммуникации, а значит, встает вопрос о языке – единым государственным языком сделали русский. В области культурного наследия мыслилось, что со временем наследие всех народов (этносов) будет восприниматься как общее достояние, в 1970-е это вылилось в идею общего «Свода памятников истории и культуры СССР».

Остается главное – коллективная психология. Сменил ли узбек, грузин, украинец, мордвин, якут и остальные²⁰ свою доминирующую этническую идентичность на «советскость» (прежде всего я *советский* человек!)? «Функционирование полиэтничного общества <...> во многом зависит от распространенности и доминирования общегражданской идентичности при сохранении этнической идентичности в различных сегментах населения региона. Имеется в виду приоритетность общенациональной, а не узкоэтнической ориентации людей (вспомним наполненные пафосом поэтические и песенные строки: “Читайте, завидуйте: я – гражданин Советского Союза!” или: “Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз!”). Начало спада такой гражданской идентификационной привлекательности советского общества приходится на начало 70-х гг. Распад СССР нанес сокрушительный удар по сочленениям культурных сегментов советского пространства»²¹.

Однако в том и проблема, что, в конечном счете, этническая (как и всякая прочая) культурная идентичность, определяемая в рамках научных школ (кстати, до сих пор не нашедших общего языка), неизбежно наталкивается на вопрос о самоощущении индивида и социальной

²⁰ Всего по переписи 1989 г. в СССР было 128 «национальностей» – См.: URL: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0155/tema02.php>. Online 12/08/2015.

²¹ Денисова, Радовель 2000. С. 197.

группы (вопрос т.н. национального самосознания), а это способно оказывать серьезное воздействие на политическую ситуацию и соответствующие исторические события. При этом государственная идеология безусловно воспитывает чувство идентичности, как это было с внедрением в умы понятия «советского человека». «История как форма массовой пропаганды родилась накануне Первой мировой войны. В 1930-е гг. нормативные исторические предписания в качестве единой и вечной исторической истины стали защищаться всей мощью карательного механизма государства. В Германии появилась “народная история” (Volksgeschichte), в СССР – история формаций, революций и борьбы классов. Возникли сакрализованные книги по отечественной истории, заучиваемые наизусть, как Краткий курс истории ВКП(б) (1938)»²².

Понятие *культурной* идентичности является универсальным – по отношению к другим идентификаторам (этничность, религия, социальные, гендерные, возрастные особенности), но при этом остается проблема доминирующей идентификации и самоидентификации. При этом культурная самоидентификация индивида может не совпадать с представлениями окружающих и даже с научными представлениями. Так, на современной Украине политики, боящиеся «парада суверенитетов», не признают русинов как этнос, но сами русины считают себя совершенно равноположенными в этнокультурном плане по отношению и к украинцам, и к мадьярам, и к полякам. Проблема этнической идентичности осложняется так называемыми смешанными браками, плоды которых нередко задаются вопросом «кто же я?».

Как же обстояло дело с национальной политикой в Советской России и СССР? Изначально в этом вопросе намечилось некое объективное противоречие. С одной стороны, тесное сближение этнических культур под крышей одного государства, провозгласившего приоритет социально-классовых идентичностей над национальными, и объединительная политика пролетарского интернационализма и дружбы народов – вели к усилению внутренней миграции населения и увеличению процента смешанных браков, что ставило на повестку дня проблему создания некоей новой наднациональной метакультуры. Но, с другой стороны, пришедшие к власти большевики постоянно ставили в вину Российской Империи пренебрежение к нетитульным народам России, к так называемым колониям (Туркестанский край), а значит, обещали способствовать не только экономическому подъему «национальных окраин», но и развитие национальных (т.е. этнических) культур.

Любопытно, что Сталин отметил две противоположные тенденции (стремление к общности и отход от нее в пользу национализма) на примере ситуации в Российской Империи в период революции 1905 г. и последовавшей контрреволюции: «Период контрреволюции в России при-

²² Ионов 2015. С. 50.

нес не только “гром и молнию”, но и разочарование в движении, неверие в общие силы. Верили в “светлое будущее”, – и люди боролись вместе, независимо от национальности: общие вопросы прежде всего! Закралось в душу сомнение, – и люди начали расходиться по национальным квартирам: пусть каждый рассчитывает только на себя! “Национальная проблема” прежде всего!»²³. При этом Сталин подчеркивал (статья писалась в 1912-13 гг.), что большевики уже тогда увидели именно в идее *классовой* солидарности трудящихся единственную альтернативу растущему после 1905–1907 гг. национализму окраин Российской Империи. Проблема была в том, что основой для объединения виделся пролетарский интернационализм, а с пролетариями на этих самых окраинах дело обстояло плохо. Психология же непролетарских трудовых слоев страдала индивидуализмом и по существу была мелкобуржуазной.

Но здесь возникает принципиальный вопрос: а что такое этническая или национальная культура? Если понимать под ней только формальную сторону самовыражения этноса (язык, искусство, литература, обычаи) – такое понимание наиболее широко распространено – то это одно. Другое дело, понимать культуру, исходя из содержательных, т.е. мировоззренческих особенностей, которые и эксплицированы для исследователей в языке, литературе, искусстве, обычаях и проч. На наш взгляд, приоритет в поисках определения культуры стоит отдать именно системе убеждений – представлений о жизни и смерти, о смысле жизни, о миссии человека на Земле и т.д. «Изучение существования – существования человека, народа, эпохи – начинается с обзора системы убеждений и в процессе его изучения должно быть выявлено прежде всего фундаментальное, коренное верование, поддерживающее и оживляющее все остальные верования»²⁴. Если принять во внимание эти коренные верования, то встает вопрос о невозможности выделения национального характера вне системы религиозных убеждений. Здесь у большевиков начинались сложности на пути объединения всех и вся под крышей новой общей идеологии, поскольку важнейшей и определяющей чертой мировоззрения разных народов является религия, а был взят курс на жесткое внедрение в умы атеизма. Сами большевики и Ленин (да и не одни они в России) поругивали не только политическую систему Российской Империи, царя, эксплуататорские классы, но и русский народ, русских и саму «русскость» как коллективную психологию великороссов. Новая власть, у руля которой процент этнических русских оказался явно не доминирующим, тем более опасалась великорусского шовинизма, а значит, советская идентичность должна была вытеснить русскую как таковую в пределах новой советской государственности. «Советский» – и как формальная принадлежность «порту приписки» РСФСР-СССР, и как орга-

²³ Сталин. Соч. Т. 2. С. 290.

²⁴ Ортега-и-Гассет 1996. С. 439.

ничная и неформальная принадлежность новой культуре, новому мировоззрению – становился четким и однозначным маркером новой идентичности. Что в послереволюционные годы и отразил В. Маяковский в «Стихах о советском паспорте». И, казалось бы, на этом можно было поставить точку и двигаться в данном направлении дальше, но дальнейшая история показала, что «русский» как актуальный этноним не сдал позиции, и тому было несколько причин.

Положительный перелом в отношении к «русскости», к проблеме преемственности советской государственности от традиционной культуры русских и от российской государственности произошел волею одного единственного человека. Этим человеком был Сталин. И этот перелом, по мнению ряда современных ученых, оказался решающим для сохранения советской государственности как таковой, для экономических и политических успехов страны и для победы в Великой Отечественной войне. При этом наиболее распространен взгляд на сталинский поворот к традиции русской культуры, к возрождению много из того, что составляло «русскость» как идентичность, включая православие, под воздействием трагедии гитлеровского нападения и угрозы поражения СССР в войне. Современные историки обращают внимание на то, что наряду с памятью о борцах за дело революции и героях Гражданской войны (что составляло мемориально-просветительский базис до 1940-х гг.) в начале 1940-х произошло возрождение памяти о благоверных князьях Александре Невском и Димитрии Донском, о полководцах Российской Империи, восстановление Московского Патриархата, открытие целого ряда закрытых большевиками храмов и проч. Знаком этого перелома в политике иногда считают знаменитую церковно-проповедническую форму обращения Сталина к народу в выступлении по радио 3 июля 1941 г. «Братья и сестры»²⁵. В целом заметно стало смещение акцента с классовости на этничность (ощущение сопричастности национальной традиции). Джеффри Хоскинг, комментируя в своем учебнике по истории СССР выступление Сталина 6 ноября 1941 г. по случаю 24-й годовщины Октябрьской революции, обращает внимание на произнесенные вождем призывы-лозунги «Нет пощады немецким захватчикам! Смерть немецким захватчикам!». «Теперь, – пишет он, – врагами стали не “фашисты”, а “немцы”. Ударение сталинского лозунга 1920 г. относительно “социализма в одной стране” переместилось со слова “социализм” на слово “страна”»²⁶.

Но наиболее значимым видится исследователям в данном аспекте – тост Сталина «За русский народ», произнесенный на приеме в честь командующих войсками, состоявшемся в Кремле 24 мая 1945 года.

До публикаций Владимира Невежина был известен лишь текст официального отчета о приеме, опубликованный тогда в газетах и в

²⁵ Сталин. Соч. Т. 15. С. 56.

²⁶ Хоскинг 1995. С. 281.

1946 г. в сборнике «И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза». Невежин, посвятив несколько работ выступлениям Сталина, ввел в научный оборот архивные источники, опубликовав тексты разных редакций стенограммы этого приема и, в частности, тоста за русский народ, в том числе – с правками самого Сталина²⁷. Приведем целиком текст записи тоста за русский народ из официальной публикации 1946 года. (Нет смысла цитировать этот текст купюрами, поскольку он достаточно емко отражает сталинское отношение к положительным чертам коллективной психологии русского народа, позволяющим ему специально оговорить роль русского народа, выделив его из советского народа в целом.) Итак, Сталин сказал тогда: «Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний, тост. Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа, и прежде всего, русского народа (*Бурные продолжительные аплодисменты, крики “ура”*). Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны. Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение. У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–42 гг., когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому Правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, – над фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие! За здоровье русского народа! (*Бурные, долго не смолкающие аплодисменты.*)»²⁸.

Невежин отмечает интересные места в правках, сделанных самим Сталиным по тексту тоста. Реально прозвучавший «здравый смысл» русского народа был заменен в авторской правке Сталина «ясным умом»; вместо фразы «русский народ верил, терпел, выжидал и надеялся, что мы все-таки с событиями справимся»²⁹ появилась фраза «русский народ ве-

²⁷ См.: Невежин 2003; Невежин 2005; Невежин 2007; Невежин 2011.

²⁸ Сталин «О Великой Отечественной...» С. 196–197.

²⁹ Невежин 2007 С. 265–266.

рил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии»³⁰. Вслед за Е. Зубковой³¹ Невежин обращает внимание на то, что ни в обращении к соотечественникам по случаю по случаю Победы 9 мая, ни в тосте на приеме 24 мая Сталин ничего не сказал о руководящей роли партии. В своем знаменитом обращении к «соотечественникам и соотечественницам» 9 мая 1945 г. Сталин славит героическую Красную Армию, великий народ (без уточнения советский, русский или российский) и павших героев³². Это все так, однако нельзя слишком обольщаться на этот счет, так как вскоре Александру Фадееву попадет за недооценку роли партии в руководстве молодежным подпольем, как оно показано в романе «Молодая гвардия», из-за чего писателю придется переделывать первую редакцию романа. Возможно, по мере отдаления во времени роль русского народа уже не воспринималась так остро, как в победном 1945-м.

В дальнейшем проблема: что сыграло решающую роль в Победе, народный дух или сам факт партийного руководства *советским* народом – стала болезненным вопросом для послевоенных поколений. Естественно, приоритет роли партии постоянно акцентировался идеологической пропагандой в послесталинском СССР. Сталину же, в отличие от сменивших его на посту лидера партийных деятелей, действительно, не нужно было в последние годы его правления слишком беспокоиться о репутации партии, ибо его личный авторитет был на высочайшем уровне. Однако после его смерти по мере убывания успехов в деле строительства социализма и падения авторитета партии (Хрущев и Брежнев на фоне Сталина воспринимались народом, скорее, как герои анекдотов) нужно было роль партии идеологически повышать в глазах простых граждан. При этом именно Великая Отечественная война оставалась наиболее критической точкой на шкале народной памяти. Что, возможно, сыграло определенную роль в начавшейся в 1970-х гг. партийной кампании возвышения Брежнева как героя войны. По мере приближения 1991 года ситуация лишь усугублялась. Высказывается даже категоричное и не лишённое основания мнение, что со временем «именно Победа фактически становилась единственной легитимацией советского строя»³³.

В истории с романом Фадеева в редакции 1946 г. мы не имеем документального подтверждения наличия личных сталинских указаний по «умалению» роли народа в пользу партийного руководства, так как с критикой романа выступила газета «Правда», но едва ли она сделала бы это без указания с самого верха. В то же время Е. Зубкова отмечает изменение в лексиконе Сталина по вопросу о народе уже в связи с появле-

³⁰ Там же. С. 267–268.

³¹ Зубкова 1999. С. 36.

³² Сталин. Соч. Т. 15. С. 223–224.

³³ Андреев, Бордюгов 2005. С. 125.

нием ставшего популярным в постперестроечные годы образа советского народа как «винтика» (особенно после выхода книги М. Геллера «Машина и винтики. История формирования советского человека»³⁴) Зубкова пишет: «Спустя месяц, 25 июня [1945 г.], на приеме в Кремле в честь участников парада Победы в сталинской интерпретации появился новый нюанс – положение о “винтиках”. Несмотря на то, что этот тост часто цитируется, выхваченный из общего контекста публикации, он представляет ограниченное поле для анализа. Между тем контекст в данном случае не менее важен, чем содержание тоста. Сталин выступил в заключительной части приема – после того, как отзвучали здравницы в честь военачальников, организаторов науки, руководителей промышленности. Его речь как бы выбилась из общего ключа: Сталин предложил тост “за здоровье людей, у которых – чинов мало и звание незавидное. За людей, которых считают ‘винтиками’ великого государственного механизма, но без которых все мы – маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо, ни черта не стоим (...). Это – люди, которые держат нас, как основание держит вершину”. Таким образом Сталин несколько скорректировал свой прежний тезис о единстве вождя и народа, построив отношения между ними на принципе “вершины” и “основания”, одновременно понизив статус “руководящего и великого народа” до народа – “винтика”. Тост заключал в себе и другой смысл: в нем Сталин не только устанавливал принцип иерархической общности между вождем и народом, но и одновременно противопоставлял “простых людей” – “начальникам”, сохранив за собой положение верховного арбитра, центра, где сходятся нити управления и массами, и руководителями»³⁵.

Бордюгов и Бухараев также проанализировали существующую литературу, выражающую довольно широкий спектр мнений по интерпретации смысла выступления Сталина 24 мая 1945 г. с тостом за русский народ, отметив его именно как знак поворота от социополитических к этнокультурным факторам в творимой Сталиным мифологии³⁶.

Зарубежные исследователи тоже часто отмечают изменение в отношении к «Святой Руси» в СССР во время войны. Упомянув о новом государственном гимне, сменившем французский «Интернационал» в 1943 г. (гимн начинался словами «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь...») – слова С. Михалкова и Г.А. Эль Регистана), профессор Кембриджского университета Саймон Франклин пишет, что в это время «любые средства были хороши, включая обращение к прошлым героическим сражениям против неверных, будь то наполеоновские французы, татаро-монгольские орды Батыя или те древние “латинские” враги, которым дал отпор Александр Невский. Поэзия, кино, живопись, в

³⁴ Геллер 1994.

³⁵ Зубкова 1999. С. 36.

³⁶ Бордюгов, Бухараев 1999. С. 34.

таких обстоятельствах получали разрешение пользоваться накопленным арсеналом образов, применять всю глубину исторической идентичности и даже своего рода заигрывание с религиозной идентичностью, чему нормальная советская риторика должна была бы противостоять»³⁷.

Однако в последнее время появляются работы, авторы которых относят смещение акцента с классового на национально-державное в сталинской политике – на период предвоенный. Иногда об этом, поначалу едва заметном по текстам советских учебников изменении говорят как о политическом «переломе», инициированном лично тем человеком, который находился на самой вершине властной пирамиды. При этом среди факторов, побудивших Сталина к таким политическим и мировоззренческим метаморфозам, можно выделить два наиболее общих. Первый – сугубо личные пристрастия, личное уважительное отношение Сталина к русскому народу, русской культурной традиции, национальному характеру, ибо, оставаясь этническим грузином и человеком культуры Закавказья, Сталин ощущал себя причастным русской культуре и, – в конечном счете, *носителем* этой культуры. А второй фактор – необходимость развернуть политику прочь от идеи «мировой революции», т.е. от Троцкого и троцкистов, в которых Сталин видел основных конкурентов и врагов на своем пути к статусу «отца народов». Кроме того, совершая такой поворот, Сталин мог принять во внимание настроение масс, вкусивших уже немало горького в ходе революционных преобразований, так что смена узкоклассового подхода на национальную идею с возвращением к ряду привычных традиционных ценностей действовала на массы конструктивно и вдохновляюще. Среди факторов смешанного – и личностного, и политического характера можно отметить и стремление Сталина быть наследником Российской Империи, продолжив те внешнеполитические территориальные устремления, которые были когда-то предметом вожделений царской России (например, контроль над Черноморскими и Средиземноморскими проливами и др.). При знакомстве с известной книгой Феликса Чуева, содержащей беседы автора с В.М. Молотовым³⁸, невозможно отделаться от ощущения, что в оправдании политики присоединения земель к СССР (Прибалтика, Западные Украина и Белоруссия, Молдавия...) сам Молотов больше упирает на необходимость нанесения этим ударов мировому империализму (фактор классовой борьбы), в то время как Сталин явно ощущал себя продолжателем дела «собираания земель» вокруг Москвы. Это отмечает и Елисеев: «Сталин вовсе не был одержим утопической мечтой создать еще небывалое общество. На первых порах русская революция ставила перед собой совершенно нереальные цели трансформации общества в коммуны, которая подменит собой государство (точнее, отменит его) и в

³⁷ Франклин 2014. С. 123.

³⁸ Чуев 1991.

которой окажутся стерты различия между нациями, классами, городом и селом. Понятно, что такая цель Сталина не устраивала. Он не стремился создать что-то принципиально новое, но хотел продолжить то, что происходило уже в дореволюционной России»³⁹.

Среди других свидетельств нового самостоятельного курса Сталина – его письмо членам Политбюро (позднее публиковалось как статья) в связи с готовящейся по случаю 20-летия начала Первой мировой войны журнальной публикации статьи Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма». Сталин, проявляя должную корректность в отношении основателей марксизма, в то же время делает вывод о нецелесообразности печатать такую статью, если речь идет не о собрании сочинений Энгельса, а о «боевом» органе партии, каковым является журнал «Большевик». Ведь журнал, отмечает Сталин, это руководящий и направляющий орган для партийцев, а статья Энгельса не удовлетворяет своей русофобской направленностью, когда Россия выставляется по существу главным агрессором по отношению к другим европейским странам. «Энгельс, – пишет Сталин, – встревоженный налаживавшимся тогда (1890–1891 годы) франко-русским союзом, направленным своим острием против австро-германской коалиции, задался целью взять в атаку в своей статье внешнюю политику русского царизма и лишить ее всякого доверия в глазах общественного мнения Европы и прежде всего Англии, но, осуществляя эту цель, он упустил из виду ряд других важнейших и даже определяющих моментов, результатом чего явилась однобокость статьи»⁴⁰.

Е. Зубкова, говоря о развороте идеологии в сторону ряда традиционных ценностей российской истории, отмечает, что «поворот этот начался еще до войны, в середине 1930-х гг., но война сделала его особенно очевидным»⁴¹. В. Невежин обнаружил в архиве, ввел в научный оборот и прокомментировал характерный документ по вопросу о новой сталинской политике, относящийся к еще более раннему времени – к началу 1930-х гг., речь идет о конспективной записи сталинского краткого застольного выступления 2 мая 1933 г., сделанной Р.П. Хмельницким и находящейся в фондах РГАСПИ⁴². В тот день на завтраке в Кремле, традиционно устроенном К.Е. Ворошиловым для участников первомайского военного парада, Сталин выступил с небольшой застольной речью, где, в частности, сказал следующее: «Оставляя в стороне вопросы равноправия и самоопределения русские это основная национальность мира, она первая подняла флаг Советов против всего мира. Русская нация – это талантливейшая нация в мире /.../»⁴³. Далее Сталин упоминает о том, что «русских били все», но «овладеть русскими» им так и не удалось.

³⁹ Елисеев 2008. С. 99.

⁴⁰ Сталин. Соч. Т. 14. С. 23.

⁴¹ Зубкова 1999. С. 102.

⁴² Невежин 2007. С. 10–11.

⁴³ Там же. С. 10–11. Пунктуация, как у первого публикатора – А. С.

Публикатор этой записи, естественно, комментирует ее как записанную отрывочно с возможными искажениями, но для нас остается очевиден общий смысл сказанного. Он сводится к тому, что Русь-Россия многожды была объектом агрессии и несла страшные потери, но выстояла как таковая, сохранила себя, несмотря на плохое вооружение. Далее Сталин рассуждает о том, что, будучи вооружены современной техникой, русские становятся непобедимы. Таким образом, в этом комплиментарном выступлении Сталина в адрес русского народа содержится высокая оценка его стойкости и выживаемости как характерных национальных черт. А почему били? – потому, что прежний социальный строй не давал народу развиваться социально и оснащаться технологически.

Сам по себе речевой жанр тоста в обоих случаях значим потому, что Сталин – человек грузинской культуры, где тост является не поводом «опрокинуть рюмку», но играет серьезную роль в формировании отношений в социуме. Скажи Сталин комплимент русскому народу где-нибудь в беседе или даже – вскользь – в одном из выступлений, это уже не будет звучать столь акцентированно, как в случае тоста, причем в ситуации самой по себе знаковой и торжественной.

А.В. Пыжиков считает, что истоки формирования державно-патриотического курса Сталина нужно искать в переменах взглядов самого вождя, происходивших уже во второй половине 1920-х гг.: «из типичного русофоба образца XII съезда РКП(б) (тогда, в 1923 году он мало отличался от своих соратников) генеральный секретарь постепенно предстает горячим поклонником всего русского. Правда, даже во второй половине 1920-х годов его русофильство оставалось латентным. Открытый разрыв со старой большевистской элитой тогда явно не входил в его планы. Первые публичные сигналы о своих новых предпочтениях вождь сделал на рубеже десятилетий»⁴⁴. В подтверждение такой датировки Пыжиков приводит эпизод осени 1930 года, когда Сталин разгневался на Демьяна Бедного, опубликовавшего в «Правде» фельетон «Слезай с печки», где высмеивал русских как носителей рабской психологии, ленивых и пустых по своей природе. При этом под удар Демьяна попал и русский патриотизм, и память о героях российской истории. Сталин в специальном письме автору фельетона писал: «революционные рабочие всех стран единодушно рукоплещут советскому рабочему классу и, прежде всего, *русскому* рабочему классу, авангарду советских рабочих, как признанному своему вождю, проводящему самую революционную и самую активную политику, какую когда-либо мечтали проводить пролетарии других стран»⁴⁵. Пыжиков продолжает: «Внедрение патриотизма, восхваление российского прошлого вело к логическому завершению новой идеологической архитектуры. Русский народ провозглашался самым передовым

⁴⁴ Пыжиков 2015. С. 178.

⁴⁵ Сталин. Соч. Т. 13. С. 24–25 – Курсив оригинала – А. С.

<...>, объявлялся “старшим среди равных”, им гордятся, как гордятся своим старшим братом»⁴⁶. Из передовиц «Правды» 1930-х гг. автор работы приводит конкретные цитаты, сформировавшие на несколько десятилетий вперед позицию русского народа «как старшего брата». Кстати, весьма оригинальна концепция Пыжикова о происхождении сталинского советского социализма как такового, исследователь связывает его с традицией русского внецерковного (старообрядческого) православия.

Итак, мы рассмотрели ряд мнений о развороте идеологии и политики в СССР 1930-х гг. – от идей мировой революции к идее русского патриотизма. В заключение приведем свидетельство, пришедшее к нам от одного из очевидцев и участников воплощения той самой сталинской политики. В прошлом русский революционер, ставший в 1930 г. невозвращенцем, советский дипломат С.В. Дмитриевский следующим образом охарактеризовал круг коммунистов, который существовал в партии уже к концу 1920-х и на который должен был опереться в те годы Сталин. «В теории они часто сбивались. Некогда было ею серьезно заниматься. И они боролись не столько за отвлеченные принципы, сколько за родную землю, за ее независимость, богатство, мощь. Они называли себя коммунистами. Но коммунизм был для них не столько целью, сколько орудием национальной борьбы <...>. С такими идеями долгое время шли на борьбу, пробивались к власти народные, основные слои партии, по преимуществу ее второе, молодое поколение. За ними, тесно с ними сливаясь, шла масса еще более фанатично-русской, еще более пронизанной непримиримостью к Западу и к западным идеям и людям молодежи, рожденной уже самой революцией. Вождем этих слоев был Сталин»⁴⁷.

Однако на практике сразу отойти от идеологии и политики пролетарского интернационализма было непросто, и возвращение к «русскости» в идеологии пытались иногда «смягчить», вернув в лексикон слово «национализм», но подразумевая под национализмом советских народов некий новый, «советский» «здоровый» национализм. Ф.Л. Сеницын пишет: «Советское руководство пыталось каким-то образом связать “советский патриотизм” с “пролетарским интернационализмом”, от которого она не думала отказываться. В мае 1941 г. Сталин в беседе с руководителем Коммунистического Интернационала Георгием Димитровым сказал о необходимости развивать идеи сочетания здорового правильно понятого национализма с “пролетарским интернационализмом”, который должен опираться на этот национализм”⁴⁸. Однако политика балансирования, – продолжает Сеницын, – между “пролетарским интернационализмом” и “патриотизмом” не была эффективной»⁴⁸. Все дело в том, считает историк, что накануне Великой Отечественной войны Сталин и его ближай-

⁴⁶ Пыжиков 2015. С. 191–192.

⁴⁷ Цит. по: Лобанов 2008. С. 71.

⁴⁸ Сеницын 2010. С. 7.

шее окружение отдавали себе отчет в том, что никакой пролетариат в странах потенциального противника (будь то Германия, Италия, или страны Антанты) в случае военного конфликта не соберется массово выступить бок о бок с Красной Армией против собственных правительств за дело всемирной пролетарской революции. Однако в советском народе такая вера отчасти жила, промывание мозгов в духе неизбежности скорой революции в развитых странах Европы в течение двух десятилетий сделало свое дело. Анализируя руководящие партийные документы 1930-х гг. в части составления новых учебников истории в СССР, Бордюгов и Бухараев отмечают, что «политническая идея воссоздания не “русской истории”, а “истории Руси” с учетом истории народов, входящих в СССР (включая даже татар, башкир, мордву, чувашей), на основе “марксистского объяснения”, конфликтовала с русоцентристскими подходами...»⁴⁹.

Подведем некоторые итоги. Для Ленина заслуга русского народа состоит в том, что этот народ дал выдающихся борцов против прежней монархической власти, революционеров, и стал авангардом революционного движения в XX в. Сталин, не противореча в этом Ленину, в то же время отмечает несколько черт национального характера русских, которые призваны объяснить и иные, кроме революций, закономерности отечественной истории. Во-первых, «русских били все», но русские выстояли как нация, несмотря на неблагоприятные внешние и внутриполитические условия и на отсутствие развитых технологий, доведя дело до победившей революции. Одна из причин тому, по Сталину, – терпеливость и стойкость русского народа. Как мы помним, на 24 мая Сталин сам вдруг поднимает болезненную тему долготерпения у русского народа и тему доверия народа своему «правительству», а по существу – самому *вождю* в критической ситуации лета и осени 1941 г. Здесь Сталин совершенно прав, на наш взгляд, ибо по большому счету не наступательный порыв (вроде воодушевления немцев «блицкригом» вермахта летом 1941 г.), а, говоря боксерским языком, – умение держать удар, – *в конечном счете* определяет физическую и моральную стойкость народа. Другое дело, что в советской исторической литературе все это отмечалось как качество *советского* народа, т.е., всех этносов СССР, Сталин же делает упор на русском этносе, заявляя, что русский народ «является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза». При этом отмечается и роль русского народа в Великой Отечественной войне как «руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны». Помимо стойкости и терпения, что позволило народу даже простить ошибки руководства на начальном периоде войны, Сталиным назван также «ясный ум» (первоначально, до авторской правки, «здравый смысл»).

⁴⁹ Бордюгов, Бухараев 2011. С. 49.

Невежин⁵⁰ подробно проанализировал спектр мнений по поводу сталинского тоста 24 мая 1945 г., который уже тогда, в 1945-м, вызвал одобрение одних и обиду со стороны других. То же самое касается полемики вокруг тоста, развернувшейся в современной научной исторической литературе. Одобрявшие позицию Сталина видели логику в том, что русский этнос в войну понес самые большие людские потери в *абсолютном* исчислении, в сравнении с любым из других этносов, населявших СССР. Но это логически вытекало из многочисленности самого русского этноса, составлявшего более 50% населения в СССР. Однако в относительном исчислении (если подходить статистически к вкладу народов в Победу, что не совсем корректно), необходимо учитывать хотя бы отношение процента призванных на военную службу и погибших на фронте – к проценту представителей данного народа в народонаселении СССР. Синицын⁵¹ сопоставил данные о национальном составе населения СССР, почерпнутые из официальных источников⁵², и получил соотношение долей погибших (потери военнослужащих) и долей «национальностей» в общем населении СССР на период войны. Результаты показали, что наряду с русскими (самый большой процент потерь к общему числу населения), также имели большую долю в потерях, нежели доля в общем числе народонаселения СССР – мордовский и чувашский народы, очень высоким этот показатель был у татарского народа, а также у украинцев, башкир, грузин и армян... Поэтому использовать формальные показатели для выставления иерархии победителей не следует, чтобы не обижать представителей разных этносов, активно участвовавших в той войне на стороне Красной Армии и советского народа.

Невежин приводит факты обиды и недовольства тостом Сталина со стороны тех, кто почувствовал себя ущемленным высказываниями вождя – в силу ощущения своей принадлежности иной, не русской, этнической культуре. Это касается и нашего времени, что показало т.н. «дело историков МГУ». Поэтому, еще раз повторим, на наш взгляд, очень трудно формально-статистически рассуждать об особенностях национального менталитета. С другой стороны, можно только порадоваться, что и в наше время есть люди, которые не желают умаления роли своих народов в деле той Великой Победы. Хуже, что все больше становится на просторах бывшего СССР тех, кто ощущает себя по «ту» сторону фронта, маршируя с атрибутикой Германии эпохи III рейха. Воодушевление же представителей собственно русского этноса сталинскими оценками его роли тоже легко объяснить и понять. Ведь еще недавно, в 1920-х, да отчасти и в 1930-х гг., большевистская идеология возлагала на русских вину за угне-

⁵⁰ Невежин 2011. С. 343–380.

⁵¹ Синицын 2010. С. 353.

⁵² Население СССР в XX веке... Т. 2. С. 15; Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил... С. 238.

тение других народов. Новая власть, проявляя заботу обо всех многочисленных народах СССР, в то же время фактически насаждала русофобию, ущемляя чувство национального достоинства русских, которые, помимо прочего, были носителями самой массовой в Российской Империи и потому самой опасной для большевиков религии – православия.

Невежин⁵³ приводит также примеры недовольства со стороны тех, кто был обижен сталинским тостом от 24 мая 1945 г. не за свое чувство национального достоинства, а за отступление Сталина от *принципов интернационализма* как основной политической линии большевиков. Впрочем, сам Сталин понимал, что для него важнее сиюминутная политическая ситуация, а не традиционные лозунги большевиков из тех лет, когда он сам писал первые работы по национальному вопросу. В 1945-м это был уже другой человек. Вспомним, что еще перед войной Сталин воспротивился постановке булгаковского «Батума», при известной лояльности к иному творчеству Михаила Булгакова. Дело в том, что Сталину не нужен был на сцене юный Джугашвили, революционер, оказавшийся одним из разрушителей Российской Империи. Джугашвили и Сталин не одно и то же: не случайно, как-то гневаясь на сына Василия уже в зрелые годы, вождь напомнил ему, что *тот не Сталин*, потому что Сталин может быть только *один* – это уже человек-символ. Нельзя здесь не вспомнить и известный пастернаковский образ вождя, каким он уже виделся *и поэту, и народу* к середине 1930-х: «За древней каменной стеной, / Живет не человек, – деянье, / Поступок ростом с шар земной...»⁵⁴. Джугашвили – разрушитель Российской Империи, Сталин – создатель новой империи. Сталин уже не конкретный индивид, это образ, знак, таковым он воспринимается и некоторыми нашими современниками, и воспринимался тогда. Многие проблемы в области сталиноведения возникают из-за непонимания этой простой истины.

Сталину было очевидно, что создавать свою новую империю легче всего на неразрушенном еще фундаменте прежней. А эта прежняя формировалась вокруг великорусской народности. Возможно, отсюда и его позиция по «национальному вопросу» плюс, безусловно, личная привязанность к богатейшей русской культуре. «В России, – писал он, – роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию»⁵⁵. Таким образом, очевидно, что если Ленину русский народ был дорог тем, что умел разрушать, то Сталину – тем, что умел терпеть и создавать.

К каким же выводам мы приходим в размышлениях о судьбе «советскости» и «русскости» как этнокультурных идентичностей?

⁵³ Невежин 2011.

⁵⁴ Пастернак. ПСС. В 11 т. Т. II. С. 402.

⁵⁵ Сталин. Соч. Т. 2. С. 303.

Можно попробовать развести представления о русской и советской государственности и культуре, представив существование российской цивилизации, внутри которой сформировалась *советская субцивилизация*, поначалу претендовавшая на то, чтобы вытеснить российскую и явить миру образец *совершенно* новой, построенной на общих идеологических установках марксизма (как его понимали советские идеологи в 1910–1930-х гг.) цивилизации. Однако историческая судьба народов сложилась так, что и «русскость» как этнокультурная идентичность, и сложившаяся вокруг Древней Руси российская государственность оказались прочнее, чем эта новая общность.

Автор настоящей работы последовательно проводит мысль о продуктивности рассмотрения того, что теперь называют советским периодом истории России, как цельного субцивилизационного цикла – в духе известных циклических концепций Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, О. Шпенглера, П.А. Сорокина, А. Тойнби, Ю.М. Лотмана... Причем, в отличие от других цивилизаций, существующих или существовавших столетиями и тысячелетиями, – советская прошла полный цикл в условиях стусившегося времени, что вообще характерно для ускорения многих социальных и технологических процессов в XX веке. Отношения к генезису этнокультуры в научном мире в целом неоднозначно, есть много разных мнений и наверняка будут высказаны новые в будущем. Например, Л.Н. Гумилев⁵⁶, выделяя свои фазы этногенеза, считал, что снижение пассионарного напряжения на определенной стадии, называемой им обскурацией, ведет или к полному разрушению этноса, или к превращению его в реликт (мемориальная фаза). Действительно, «советское» в современной России существует именно как активно действующий, но по сути *мемориальный* фактор, при том, что еще живы люди, называющие себя советскими как воспитанники той эпохи и даже как адепты официальной советской идеологии. «Русское» в широком смысле – обогатилось за счет советской культуры, впитав ее в себя и поглотив эту субцивилизацию с ее декларированными «новыми историческими общностями». Поэтому, при всей трудности и жертвах советского периода истории, было бы нелепо рассматривать его как некую роковую ошибку истории, которой бы лучше было избежать.

Всякая история есть история и жертв, и положительных свершений. Очень образно сформулировал соотношение понятий культуры, народа и истории Георгий Гачев (заглавные буквы авторские): «Культура есть любовь Народа к Природе своей в супружестве Истории»⁵⁷. И стало быть, «национальное есть итог исторического развития народа. Человек современный более национально своеобразен, чем древний. Достоевский – более русский, чем князь Игорь, Генри Форд более американец, чем

⁵⁶ Гумилев 2001.

⁵⁷ Гачев 2008. С. 30.

Джордж Вашингтон, генерал де Голль более француз, чем рыцарь Роланд и т.д. Следовательно, радеющий о национальном своеобразии должен заботиться о прогрессе, об интенсивном развитии производства и техники, о цивилизации и культуре, о максимальном общении с другими народами, ибо лишь в ходе контактов и сравнений обнаруживается и шлифуется свое – то, чего нет у других»⁵⁸. По Гачеву выходит, что многонаправленные межэтнические коммуникации в Советской России эффективно могли только способствовать укреплению вошедших в СССР этнокультур, и с этим сегодня нельзя не согласиться.

Сам процесс собирания народов вокруг великорусского этноса, формировавшегося на стыке вятической и кривичской культуры, с одной стороны, и мерянской – с другой, носил во многом естественный характер и неправильно было бы видеть лишь насильственные аспекты в формировании русской государственности. Этнический характер русских отличается открытостью, здесь высок уровень коллективизма, веротерпимости, что уже в наше время показали и формализованные результаты исследований Гирта Хофстеде по так называемым шкалам культурных измерений⁵⁹. В пределах новой, уже *российской* в широком смысле государственности многие нерусские этносы не только сохранили свою идентичность, но сыграли и продолжают играть очень заметную роль в экономике, политике, культуре России. Наличие плотного многовекового контакта с татарами и другими народами Поволжья дало много полезного и для собственно русской (в узком смысле) культуры.

Одной из причин периодически возникавших в России так называемых авторитарных и тоталитарных режимов правления (большевики восстали против самодержавия, но Сталин вернул страну к самодержавию!) являлась историческая необходимость мобилизации российского народа на решение грандиозных военных задач. Парадокс в том, что именно с Запада в Россию шли не только идеи либерализма и свободы, но и прямая агрессия. Многого стоили русским последние три больших войны, начиная с 1812 года. Арнольд Тойнби был вынужден признать, что «если мы посмотрим на столкновение между Россией и Западом глазами историка, а не журналиста, то увидим, что буквально целые столетия вплоть до 1945 года у русских были все основания глядеть на Запад с не меньшим подозрением, чем мы сегодня смотрим на Россию»⁶⁰.

Привычка употреблять этноним Russian на Западе применительно с одной стороны, к т.н. великороссам; с другой – ко всем народам Российской Империи, СССР и ныне РФ, а теперь еще и включать в состав русских многочисленных внешних мигрантов на территории РФ сегодня, – служит порой не добрую службу. Так, например, 10 августа 2015 г. меж-

⁵⁸ Там же. С. 31.

⁵⁹ URL: <http://www.geerthofstede.nl/>

⁶⁰ Тойнби 2003. С. 439.

дународное агентство финансовой информации Bloomberg опубликовало результаты сравнительных исследований эффективности труда европейцев и США, проведенных Организацией экономического сотрудничества и развития (Organization for Economic Co-operation and Development)⁶¹. В результате самую низкую эффективность, измеряемую как соотношение валового внутреннего продукта (ВВП) и среднего количества часов, проводимых жителями страны ежегодно на работе, показала среди европейских стран Россия (25,9 USD за час рабочего времени против средне-европейского показателя 50 USD). Эту информацию ретранслировали несколько крупных российских СМИ, что вызвало реакцию в сети и в эфире. Некоторые отечественные эксперты и простые граждане обиделись за русских и россиян, доказывая, что примененная методика подсчета неэффективна и не отражает потенциала коренных жителей РФ.

На наш взгляд, здесь нужно обратить внимание на два момента. Во-первых, снова все работники России чохом объединены одним показателем по этническому признаку «русские» или «россияне», поскольку заголовки статьи выглядят как «Russian Workers Vie With Greeks in Race to Productivity Abyss» – в нашем переводе это звучит как нечто вроде «*русские работники состязаются с греками, кто первый падет в пропасть низкой производительности труда*». Но в ситуации нынешней неразберихи в России совершенно непонятно, где трудятся россияне, а где легальные и нелегальные мигранты из-за рубежа (Средняя Азия, Молдова, Китай...), которые не имеют никакого отношения к русской трудовой ментальности, но которых становится все больше. Как это все учесть, никто не знает. И, во-вторых, категория «русские работники» взятая во всей полноте социальных и исторических особенностей, – достаточно широка и едва ли может быть охвачена каким-то одним социологическим исследованием с использованием строгих формализованных показателей. Радиостанция «Радио Бизнес ФМ» в передаче, посвященной анализу указанной публикации Bloomberg⁶², сообщила о недавнем исследовании эффективности использования рабочего времени персоналом ряда российских компаний, в результате которого выяснилось, что до 64 % рабочего компьютерного времени у сотрудников офисов уходит на сидение в соцсетях, игры и просмотр сайтов, не связанных с производственной необходимостью. Добавим бесконечные перекуры (в США, например, курящих сегодня в разы меньше), разговоры и личные телефонные звонки. Как выяснилось, больше всего страдают от нежелания посвящать рабочее время работе юристы, бухгалтеры и менеджеры. Совершенно очевидно, что эффективность таких работников не имеет никакого отношения к эффективности работников научной, педагогиче-

⁶¹ URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-08-10/russian-workers-vie-with-greeks-in-race-to-productivity-abyss>. Online: 12/08/2015.

⁶² URL: <http://www.bfm.ru/news/300101>. Online: 11/08/2015.

ской сферы, работников физического труда. Таким образом, было бы неправомерно идентифицировать русских и россиян как таковых (как нацию или этнос) с конкретным поколением офисных клерков и многочисленных чиновников, возвращенном в постсоветской России – работников, которые получили образование на родительские деньги, устроились на работу по родственным, клановым и прочим «кумовским» принципам, и поэтому могут себе позволить работать спустя рукава.

Естественно, что Россия не единственная страна, сталкивавшаяся с проблемой трансформаций культурной идентичности в рамках мультикультурной исторической общности. Интересен, например, опыт Британской Империи. Известно, что корреляция этнонимов «британец», «британский» и «англичанин», «английский» в пределах внутрибританского языкового узуса и вне Великобритании вызывает вопросы, отчасти схожие с проблемой корреляции *советского* и *русского*, *российского* и *русского*. Нередко всех британцев называют англичанами (в т.ч. в русском языке). Последних это нисколько не обижает, тем более, что в английской культуре до сих пор имеет место даже представление о том, что население земного шара состоит из двух народов: англичан и всех остальных – *иностранцев*. Говоря об опыте британской историографии, Л.П. Репина пишет: «Историография XIX – начала XX в. внесла огромный вклад в сотворение мифа о Британской империи, последовательно игнорируя или выводя в тень “неудобные факты”. А на рубеже 1920-х и 1930-х гг. уже в ситуации системного кризиса Британской империи произошло оформление “имперской школы” историографии. Эта школа развалилась в 1960–1970-е гг. в результате распада самой империи (деколонизации) и под ударами критики со стороны ревизионистской историографии и постколониальных исследований. В 1970–1980-е гг. остро осознается проблема кризиса культурной идентичности (не случайно именно в это время создается Королевская комиссия по национальной идентичности). Постепенно формируется постимперская историография, ставящая задачу переосмысления истории Британской империи с точки зрения отхода от позиций англоцентризма и переформулирования понятия “британскости”»⁶³. В США этноним «американец» стал обозначать и гражданскую принадлежность Соединенным Штатам, и особенности национального менталитета, и владение американским вариантом английского языка... Очевидно, что глубина собственного исторического опыта, глубина формирования национальной идентичности в США сделали свое дело (ведь прежде «американец» относилось к коренному индейскому населению), а для семи с половиной десятилетий формирования «советскости» как культурной идентичности – этого оказалось недостаточно. Говоря словами Сталина, СССР не проявил достаточной «исторической устойчивости», однако Россия вынесла и этот опыт, сохранив себя.

⁶³ Репина 2014.

Для западной политологии остается актуальным вопрос, насколько русский народ ответственен за имперскую политику российской власти в разные эпохи. Для нас же очевидно, что искать истоки агрессивной политики в характере русского народа – неверно. Хотя, если следовать логике троцкизма в деле разжигания пожара мировой революции, а русский этнос признавать самым революционизированным (авангард мировой революции), то такой вывод можно было бы сделать. Однако, к счастью, русский народ – это также Достоевский и Толстой, это высокая культура Русского Зарубежья⁶⁴, сформировавшегося наиболее отчетливо именно в те самые 1920-е гг., это вся та богатейшая часть русской культуры, которая противится откровенному культу политики насилия по отношению к другим народам. Надо помнить, что формирование *любой* империи, начиная с «классической» Римской выстраивало одинаковую схему взаимоотношений метрополии и колоний, центра и периферии. Впрочем, это касается не только империй. В. Л. Цымбурский совершенно верно заметил, что «при характеристике всех цивилизаций, о которых писали Тойнби и Хантингтон, приходится всякий раз указывать на тот ядровый народ или ту группу народов, которые в пору расцвета или возвышения данной цивилизации одновременно утверждали свою культурную и политическую гегемонию над другими областями и этносами, низводимыми до ранга зависимой периферии, часто открытой в чужеродный мир. При любых междоусобных дрязгах народы-гегемоны цивилизации объединяла сакральная вертикаль – религия и идеология, которая соотносила их культуру, геополитику и эволюционирующую социальную практику с трансцендентной высшей реальностью»⁶⁵.

Общий наш вывод состоит в том, что в значительной степени причиной исторической устойчивости и приоритета этноидентификатора «русский», по сравнению с «советский», да и с «российский», – является богатейшее культурное наследие в области литературы и художественной культуры, которое во всем мире и в современной РФ, носит название «*русской культуры*». Эта культура живет в веках, сохраняя преемственность от далекой эпохи формирования древнерусской государственности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев Д., Бордюгов Г. Пространство памяти: великая победа и власть // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО-XXI, 2005. С. 113–144.
- Барсенков А.С., Вдовин А.И., Корецкий В.А. Русский вопрос в национальной политике. XX век. М.: Моск. рабочий, 1993. 160 с.
- Бордюгов Г.А., Бухараев В.М. Национальные истории в революциях и конфликтах эпохи. Сер. «АИРО – науч. доклады и дискуссии. Темы для XXI века» Вып. 5. М., 1999. 68 с.

⁶⁴ Пархоменко 2015.

⁶⁵ Цымбурский 2007. С. 215.

- Бордюгов Г.А., Бухараев В.М. Вчерашнее завтра: Как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М.: АИРО-XXI, 2011. 248 с. (Сер.: «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ).
- Гачев Георгий. Ментальности народов мира. М.: ЭКСМО, АЛГОРИТМ, 2008. 544 с.
- Геллер Михаил. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994. 336 с.
- Грищенко А.И. К новейшей истории слова россияне // Русский язык в научном освещении. 2012. № 1. С. 119–139.
- Гудков Л.Д. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 83–103.
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001. 642 с.
- Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этносоциология: Учеб. пособие для студентов ун-тов и пед. вузов. — Ростов-н/Д: Изд-во ООО «ЦВВР», 2000. 398 с.
- Дробизжева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. — М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 376 с.
- Елисеев А.В. Правда о 1937 годе. Кто развязал «большой террор»? М.: Яуза, Эксмо, 2008. 352 с.
- Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
- Ионов И.Н. Проблемы современной макроистории. Статья I. Шаг вперед два шага назад? // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 34–58.
- Ленин В.И. К вопросу о национальной политике // Ленин В.И. Полн. собр. соч. В 55 тт. Изд. 5-е. Т. 26, М.: Политиздат, 1969. С. 64–72.
- Ленин В.И. «Нужен ли обязательный государственный язык?» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. В 55 тт. Изд. 5-е. Т. 24, М.: Политиздат, 1973. С. 293 – 295.
- Ленин В.И. Примечание «От редакции» к статье «Украина и война» // Ленин В.И. «О национальной гордости великороссов» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. В 55 тт. Изд. 5-е. Т. 26, М.: Политиздат, 1969. С. 106–110.
- Ленин В.И. Полн. собр. соч. В 55 тт. Изд. 5-е. Т. 26. М.: Политиздат, 1969. С. 130.
- Лобанов М. П. Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи / Михаил Лобанов. М.: Алгоритм, 2008. 672 с.
- Население СССР в XX веке: Исторические очерки. В 3-х тт. Т. 2. 1940–1959. М.: РОССПЭН, 2001.
- Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил: Статистическое исследование / Под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 238.
- Невежин В.А. Застольные речи Сталина. Документы и материалы. — М.: АИРО-XX; СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 544 с.
- Невежин В.А. Триумф победителей: прием в Кремле командующих войсками Красной Армии (24 мая 1945 г.) // Проблемы российской истории. Вып. V. Магнитогорск, 2005. С. 358–392.
- Невежин В.А. Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945 гг. М.: Эксмо, Яуза, 2007. 320 с.
- Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Книга первая. Большие кремлёвские приёмы 1930-х – 1940-х гг. М.: Новый хронограф, 2011. 560 с.
- Ортега-и-Гассет Х. История как система // Ортега-и-Гассет Х. Избр. труды / Сост. и общ. ред. А. М. Руткевича. М., 2000. С. 435–479.
- Пархоменко Т.А. Русское культурное присутствие в мире (к вопросу о создании энциклопедии «Российское культурное наследие за рубежом») // Вопросы культурологии. 2015. № 7. С. 12–17.
- Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. II: Стихотворения 1930–1959 / Сост. и комм. Е.Б. Пастернака и Е.В. Пастернак. — М.: СЛОВО/SLOVO, 2004.

- Пыжиков А.В.* Корни сталинского большевизма. М.: ЗАО Издат. дом «Аргументы недели», 2015. 384 с.
- Репина Л.П.* От истории империи к истории Британских островов, или Как писать национальную историю в мультикультурном обществе // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2014. Т. 5. Выпуск 10 (33) – URL: <http://history.jes.su/s207987840000848-1-1>. Online: 09/08/2015.
- Русский народ: историческая судьба в XX веке. М.: АНКО, 1993. 352 с.
- Синицын Ф.Л.* Проблема национального и интернационального в национальной политике и пропаганде в СССР в 1944 – первой пол. 1945 года // Российская история. 2009. № 6. С. 40–53.
- Синицын Ф.Л.* «За русский народ!» Национальный вопрос в Великой Отечественной войне. М.: Яуза: Эксмо, 2010. 416 с.
- Сталин И.В.* Выступление по радио 3 июля 1941 г. // Сталин И.В. Сочинения. – Т. 15. – М.: Изд-во «Писатель», 1997. С. 56–61.
- Сталин И.В.* Выступление по радио 9 мая 1945 года // Сталин И.В. Сочинения. Т. 15. М.: «Писатель», 1997. С. 223–224.
- Сталин И.В.* Марксизм и национальный вопрос // Сталин И.В. Сочинения. Т. 2. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946. С. 290–367.
- Сталин И.В.* О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма»: Письмо членам Политбюро ЦК ВКП(б) 19 июля 1934 года // Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М.: Изд-во «Писатель», 1997. С. 18–23.
- Сталин И.В.* Товарищу Демьяну Бедному (Выдержки из письма) // Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1951. С. 23–27.
- Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., Госполитиздат, 1946. С. 196–197.
- Тойнби А. Дж.* Мир и Запад // Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сб. / Пер. с англ. 2-е изд. М.: Айрис-Пресс, 2003. С. 435–484.
- Франклин, Саймон.* Идентичность и религия // Национальная идентичность в русской культуре / Под ред. С. Франклина и Э. Уиддис [Пер. с англ. В.Л. Артемова]. М.: РОССПЭН, 2014. С. 112–135.
- Франклин, Саймон и Уиддис, Эмма* «Все России» или «Вся Русь» // Национальная идентичность в русской культуре / Под ред. С. Франклина и Э. Уиддис [Пер. с англ. В.Л. Артемова]. М.: РОССПЭН, 2014. С. 12–21.
- Хоскинг, Дж.* История Советского Союза. 1917–1991. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Вагриус, 1995. 512 с.
- Цымбурский В.Л.* Народы между цивилизациями // Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. М.: РОССПЭН, 2007. С. 212–238.
- Чернышевский, Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. / Под общ. ред. В. Я. Кирпотина, Б.П. Козьмина, П.И. Лебедева-Полянского и др.; Вступит. статья «Ленин о Чернышевском» Н.Л. Мещерякова. Т. 13. Москва: Гослитиздат, 1949. С. 5–355.
- Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева; Посл. С. Кулешова. М.: ТЕРРА, 1991. 623 с.

REFERENCES

- Andreev D., Bordjugov G. Prostranstvo pamjati: velikaja pobeda i vlast' // 60-letie okončaniya Vtoroj mirovoj i Velikoj Otechestvennoj: pobediteli i pobezhdennye v kontekste politiki, mifologii i pamjati. М.: Fond Fridriha Naumanna; AIRO-XXI, 2005. S. 113–144.
- Barsenkov A. S., Vdovin A. I., Koreckij V. A. Russkij vopros v nacional'noj politike. XX vek. М.: Mosk. rabochij, 1993. 160 s.
- Bordjugov G. A., Buharaev V. M. Nacional'nye istorii v revoljucijah i konfliktah jepohi. Ser. «AIRO – nach. doklady i diskussii. Temy dlja XXI veka» Vyp. 5. М., 1999. 68 s.

- Bordjugov G. A., Buharaev V. M. Vchershnee zavtra: Kak «nacional'nye istorii» pisalis' v SSSR i kak pishutsja teper'. M.: AIRO-XXI, 2011. 248 s. (Ser.: «Istoricheskaja politika i politika pamjati v SSSR, RF i SNG).
- Gachev Georgij. Mental'nosti narodov mira. M.: JeKSMO, ALGORITM, 2008. 544 s.
- Geller Mihail. Mashina i vintiki. Istorija formirovanija sovetskogo cheloveka. M.: MIK, 1994. 336 s.
- Grishenko A. I. K novejshej istorii slova rossijane // Russkij jazyk v nauchnom osveshenii. 2012. № 1. S. 119–139.
- Gudkov L. D. «Pamjat'» o vojne i massovaja identichnost' rossijan // Pamjat' o vojne 60 let spustja: Rossija, Germanija, Evropa. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. S. 83–103.
- Gumilev L. N. Jetnogenez i biosfera Zemli. SPb.: Kristall, 2001. 642 s.
- Denisova G.S., Radovel' M.R. Jetnosociologija: Ucheb. posobie dlja studentov un-tov i ped. vuzov. — Rostov-n/D: Izd-vo OOO «CVVR», 2000. 398 s.
- Drobizheva L.M. Social'nye problemy mezhnacional'nyh odnosenij v postsovetskoj Rossii. — M.: Centr obshhechelovecheskih cennostej, 2003. 376 s.
- Eliseev A. V. Pravda o 1937 gode. Kto razvjazal «bol'shoj terror»? M.: Jausa, Jeksmo, 2008. 352 s.
- Zubkova E. Ju. Poslevoennoe sovetskoe obshhestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953. M.: ROSSPJeN, 1999. 229 s.
- Ionov I. N. Problemy sovremennoj makroistorii. Stat'ja I. Shag vpered dva shaga nazad? // Dialog so vremenem. Al'manah intelektual'noj istorii. 2015. Vyp. 50. S. 34–58.
- Lenin V. I. K voprosu o nacional'noj politike // Lenin V. I. Poln. sobr. soch. V 55 tt. Izd. 5-e. T. 26, M.: Politizdat, 1969. S. 64–72.
- Lenin V. I. «Nuzhen li objazatel'nyj gosudarstvennyj jazyk?» // Lenin V. I. Poln. sobr. soch. V 55 tt. Izd. 5-e. T. 24, M.: Politizdat, 1973. S. 293 – 295.
- Lenin V. I. Primechanie «Ot redakcii» k stat'e «Ukraina i vojna» // Lenin V. I. «O nacional'noj gordosti velikorossov» // Lenin V. I. Poln. sobr. soch. V 55 tt. Izd. 5-e. T. 26, M.: Politizdat, 1969. S. 106–110.
- Lenin V. I. Poln. sobr. soch. V 55 tt. Izd. 5-e. T. 26, M.: Politizdat, 1969. S. 130.
- Lobanov M. P. Stalin v vospominanijah sovremennikov i dokumentah jepohi / Mihail Lobanov. M.: Algoritm, 2008. 672 s.
- Nevezhin V. A. Zastol'nye rechi Stalina. Dokumenty i materialy. – M.: AIRO-XX; SPb.: Dmitrij Bulanin, 2003. 544 s.
- Nevezhin V. A. Triumf pobeditelej: priem v Kremle komandujushih vojskami Krasnoj Armii (24 maja 1945 g.) // Problemy rossijskoj istorii. Vyp. V. Magnitogorsk, 2005. S. 358–392.
- Nevezhin V. A. Stalin o vojne. Zastol'nye rechi 1933–1945 gg. M.: Jeksmo, Jausa, 2007. 320 s.
- Nevezhin V. A. Zastol'ja Iosifa Stalina. Kniga pervaja. Bol'shie kremljovskie prijomy 1930-h – 1940-h gg. M.: Novyj hronograf, 2011. 560 s.
- Ortega-i-Gasset H. Istorija kak sistema // Ortega-i-Gasset X. Izbr. trudy / Sost. i obshh. red. A. M. Rutkevicha. M., 2000. S. 435–479.
- Parhomenko T. A. Russkoe kul'turnoe prisutstvie v mire (k voprosu o sozdanii jenciklopedii «Rossijskoe kul'turnoe nasledie za rubezhom») // Voprosy kul'turologii. 2015. № 7. S. 12–17.
- Pasternak B. L. Poln. sobr. soch.: V 11 t. T. II: Stihotvorenija 1930–1959 / Sost. i komm. E. B. Pasternaka i E.V. Pasternak. – M.: SLOVO/SLOVO, 2004.
- Pyzhikov A. V. Korni stalinskogo bol'shevizma. M.: ZAO Izdat. 384 s.
- Repina L. P. Ot istorii imperii k istorii Britanskijh ostrovov, ili Kak pisat' nacional'nuju istoriju v mul'tikul'turnom obshhestve // Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal

- «Istorija», 2014. T.5. Vypusk 10 (33) – URL: <http://history.jes.su/s207987840000848-1-1>. Online: 09/08/2015.
- Russkij narod: istoricheskaja sud'ba v XX veke. M.: ANKO, 1993. 352 s.
- Sinicyn F. L. Problema nacional'nogo i internacional'nogo v nacional'noj politike i propagande v SSSR v 1944 – pervoj pol. 1945 goda // Rossijskaja istorija. 2009. № 6. S. 40–53.
- Sinicyn F. L. «Za russkij narod!» Nacional'nyj vopros v Velikoj Otechestvennoj vojne. M.: Jauza: Jeksmo, 2010. 416 s.
- Stalin I.V. Vystuplenie po radio 3 ijulja 1941 g. // Stalin I. V. Sochinenija. – T. 15. – M.: Izd-vo «Pisatel'», 1997. S. 56–61.
- Stalin I. V. Vystuplenie po radio 9 maja 1945 goda // Stalin I. V. Sochinenija. T. 15. M.: «Pisatel'», 1997. S. 223–224.
- Stalin I. V. Marksizm i nacional'nyj vopros // Stalin I. V. Sochinenija. T. 2. M.: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1946. S. 290–367.
- Stalin I. V. O stat'e Jengel'sa «Vneshnjaja politika russkogo carizma»: Pis'mo chlenam Politburo CK VKP(b) 19 ijulja 1934 goda // Stalin I. V. Sochinenija. T. 14. M.: Izd-vo «Pisatel'», 1997. S. 18–23.
- Stalin I.V. Tovarishhu Dem'janu Bednomu (Vyderzhki iz pis'ma) // Stalin I. V. Sochinenija. T. 13. M.: Gospolitizdat, 1951. S. 23–27.
- Stalin I. O Velikoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo Sojuza. M., Gospolitizdat, 1946. S. 196–197.
- Tojnbi A. Dzh. Mir i Zapad // Tojnbi A. Dzh. Civilizacija pered sudom istorii: Sb. / Per. s angl. 2-e izd. M.: Ajris-Press, 2003. S. 435–484.
- Franklin, Sajmon. Identichnost' i religija // Nacional'naja identichnost' v russkoj kul'ture / Pod red. S. Franklina i Je. Uiddis [Per. s angl. V. L. Artemova]. M.: ROSSPJeN, 2014. S. 112–135.
- Franklin, Sajmon i Uiddis, Jemma «Vse Rossii» ili «Vsja Rus'» // Nacional'naja identichnost' v russkoj kul'ture / Pod red. S. Franklina i Je. Uiddis [Per. s angl. V. L. Artemova]. M.: ROSSPJeN, 2014. S. 12–21.
- Hosking, Dzh. Istorija Sovetskogo Sojuza. 1917–1991. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Vagrius, 1995. 512 s.
- Cymburskij V. L. Narody mezhdju civilizacijami // Cymburskij V. L. Ostrov Rossija. Geopoliticheskie i hronopoliticheskie raboty. M.: ROSSPJeN, 2007. S. 212–238.
- Chernyshevskij, N. G. Polnoe sobranie sochinenij: V 15 t. / Pod obshh. red. V. Ja. Kirpotina, B. P. Koz'mina, P. I. Lebedeva-Poljanskogo i dr.; Vstupit. stat'ja «Lenin o Chernyshevskom» N. L. Meshherjakova. T. 13. Moskva: Goslitizdat, 1949. S. 5–355.
- Chuev F. Sto sorok besed s Molotovym: Iz dnevnika F. Chueva; Posl. S. Kuleshova. M.: TERRA, 1991. 623 s.

Святославский Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доктор культурологии, профессор филологического факультета Московского педагогического государственного университета; pokrov1988@gmail.com

The concept of the “Soviet”: a real phenomenon or a simulacra? the problem of correlation “Soviet/Russian” in terms of cultural identity

The paper is devoted to the concept of “Soviet” formation and destiny as a marker of the national, ethnic and general cultural identity. The author analyzes history of the Soviet ethnic policy as it was reflected on by V. Lenin and J. Stalin.

Keywords: ethnic identity; cultural identity; ethnic policy in USSR; Soviet history; Soviet/Russian correlation; V. Lenin; J. Stalin.

Alexey Svyatoslavsky, Dr. of Science (Culturology), Professor of Philological Faculty, Moscow Pedagogical State University; pokrov1988@gmail.com